

напомнить слушателям о колоссальном вкладе, внесенном в науку великими русскими филологами и историками культуры и отметить какие-то детали, случайно оказавшиеся вне их поля зрения. Надеюсь, мне удалось это сделать. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что по меньшей мере три столетия интенсивной культурной рецепции Персии в русской культуре — свидетельство плодотворного диалога культур.

Н. Ю. Чалисова,

*заведующая сектором сравнительного изучения культур Востока и Запада
Института восточных культур и античности
Российского государственного гуманитарного университета (Москва),
кандидат филологических наук, профессор*

АБУ-Л-КАСИМ ФИРДОУСИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: СТРАТЕГИИ РЕЦЕПЦИИ

В корпусе переводов поэзии Востока на русский язык персидской классике принадлежит одно из первых мест. Переводы многочисленны и имеют давнюю историю, а такие имена, как Саади и Хаййам, хорошо известны современному читателю. Знакомство с поэзией Ирана в России берет начало на рубеже XVIII–XIX веков; оно продолжалось на протяжении столетия в общем русле европейского освоения восточных литератур; первые образцы персидских стихов появлялись на страницах журналов, как правило, в переложении с западного языка-посредника (немецкого, французского)¹. Активная переводческая работа с оригиналами, как «художественная», так и филологическая, пришлось уже на XX столетие, в основном на советское время, когда стратегии рецепции, обусловленные в большой степени политико-историческими причинами, приобрели специфический (по сравнению с Европой) характер; в частности великие иранские поэты-мистики — Санаи, ‘Аттар, Руми, представленные в переводах на европейские языки, оставались у нас почти неизвестными. Поскольку Таджикистан вошел в семью советских республик, а на классическом персидском написана вся та литература, что является общим наследием таджиков и персов,

ведческие исследования. Л. : Наука, 2000 ; *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова. М. : Просвещение, 1988. Все они рассматривают взаимоотношения, взаимовлияния и типологию литератур Запада, Востока и русской литературы, культурные и литературные контакты.

¹ О ранней истории переводов персидской поэзии см.: Чалисова, Смирнов 2000, с. 248–275; о переводах «с западного» см. там же, с. 265–266.

персидская поэзия стала частью «литературы народов СССР», а переводы великих «таджикских поэтов» — делом государственной важности. Это обстоятельство в большой степени повлияло как на количество опубликованных текстов, так и на характер отбора авторов и произведений. В постсоветский период ограничения по части идеологически неудобных поэтов были сняты, что повлекло за собой всплеск интереса к творчеству классиков суфизма, таких как Фарид ад-Дин 'Аттар или Джалал ад-Дин Руми; при этом возникновение свободного книжного рынка открыло возможности коммерческого «раскручивания» популярных текстов (коллекций рубан Омара Хайяма).

К настоящему моменту на карте русских переводов мировой поэзии словесности уже очерчена обширная область «поэзии Ирана». При этом ее разметка не вполне соотносится с национальным иранским вариантом. Так, из семи поэтов «золотого века», которых, по мнению Й. фон Хаммера, персы признали достойными, — Фирдоуси, Низами, Анвари, Руми, Саади, Хафиза и Джами¹ — и переводы которых (с той или иной степенью полноты) уже сделаны, ни один не может сравниться в России по популярности с Хайямом, а ведь ему иранцы на своей поэтической карте отводят особое, но далеко не «столичное» место. Назрела необходимость переходить к этапу обзора, к проблемам, касающимся истории и результатов рецепции персидской классики в России. обстоятельного исследования требуют вопросы, связанные с выявлением культурно-исторических и эстетических оснований, определявших на каждом конкретном этапе выбор переводчиков и исследователей текстов; стратегии художественного и филологического перевода; прямые и опосредованные связи между академическим и поэтическим освоением классики; «портреты» авторов, конструируемые переводами, и их исторические трансформации.

Данный доклад представляет собой один из подступов к перечисленным вопросам. Он включает обзор истории переводов «Шах-наме» Абу-л-Касима Фирдоуси, составляющего сердцевину литературы и культуры Ирана.

«Шах-наме» (букв. «Книга царей» или «Царь-книга») Абу-л-Касима Фирдоуси (ок. 934 — ок. 1021) — это авторский эпос, грандиозная национальная эпопея, значительно превышающая по объему наследие Гомера и включающая мифы, легенды и повествования об истории Ирана с начала времен и до арабского завоевания (середина VII в.). Поэма написана

¹ Знамениты слова Гёте об этой семерице поэтов: «Персы из всех своих поэтов, за пять столетий, признали достойными только семерых; — а ведь и среди прочих, забракованных ими, многие будут почище меня!», они процитированы А. Крымским на титуле его «Истории Персии, ее литературы и дервишеской теософии» (М., 1914–1917).

рифмующимися попарно двустопными, размером, который в арабско-персидской метрике ('*аруд*, '*аруз*') именуется *мутакариб*. В культуре Ирана она с самого своего появления заняла совершенно особое место и сохраняет его по сей день, составляя основу и суть иранской идентичности. Герои, сюжеты и образы «Шах-наме» вышли далеко за пределы текста эпической поэмы, превратившись в элементы культурного кода «иранства»; этот код использовался (и используется по сей день) в любовных стихах и религиозной поэзии, в гражданской лирике и прокламациях, в журналистике и публицистике. Борцы за свободу и честь страны именуются Рустами и Исфандиарами, ее враги — Заххаками и Афрасиабами, о предательском убийстве невинных говорят «кровь Сийавуша». А великий Хафиз, описывая могущество красоты, восклицает:

Ветерок, намеки на нашу любовь шаху красавцев,
У которого сотня Джамшидов и Кай-Хусравов — ничтожнейшие рабы!¹

Значение этого текста для культуры Ирана невозможно переоценить, однако, к сожалению, российское востоковедение пока не может похвастаться полным комментированным филологическим переводом памятника в академическом формате. Что касается поэтических переводов, начало им положил В. А. Жуковский, великий русский поэт и переводчик «Илиады». Один из трагических и прославленных эпизодов «Шах-наме» включает сказание о том, как Рустам, самый могучий из иранских богатырей, убивает в поединке своего сына Сохраба. Это происходит по воле Ахримана, стремящегося погубить Рустама за то, что тот неизменно разрушает его козни. Сохраб, сын Рустама, родился в Туране, и ему выпала судьба вести туранцев на войну с Ираном. Он идет на войну, надеясь найти отца. Рустам убивает на поединке отважного туранского юношу и лишь потом узнает в нем своего сына. Сраженный горем, Рустам тем не менее продолжает защищать родной Иран.

Познакомившись с этой историей по вольному немецкому переводу Ф. Рюккерта², В. А. Жуковский в 1846–1847 годах создал ее переложение, поэму «Рустем и Зораб. Персидская повесть, заимствованная из царственной книги Ирана (Шах-Наме). [Вольная обработка эпизода с вольного немецкого варианта Ф. Рюккерта]»³. Она вошла в золотой фонд классической русской поэзии, при этом Сохраб стал для русского читателя Зорабом, так как Жуковский прочел имя *Sohrab* по правилам немецкой фонетики. Рюккерт, вольно обращаясь с событийной частью, стремился сохранить

¹ См.: Хафиз, 1994, с. 164, газель 121, б. 8.

² См.: Рюккерт, 1838.

³ См.: Жуковский. Ростем и Зораб, 1959–1960.

некоторую формальную близость оригиналу. В. Жуковский далеко отошел от формы оригинала, полностью отказавшись от рифмы и чередуя разностопные ямбы, что приближает повествование к ритмизованной прозе. Кроме того, он прибавил к сюжетным вольностям Рюккерта свои собственные¹, а главное, изменил, вслед за немецким переводчиком, конец сюжета. У Жуковского Рустам, не в силах пережить гибель сына, уходит в неизвестность, передав через соратников «поклон прощальный» царству и народу и напутствовав их:

Идите ж; добрый путь вам, будьте
Все счастливы и не крушитесь,
Что, вслед за мной сюда пришедши,
Назад пойдете без меня,
Так должно быть. Простите;
Когда же о Рустеме
Там станут говорить и спросят:
Куда пошел Рустем?
Ответствуйте: не знаем.

Такой финал противоречит сказанию Фирдоуси, главный пафос которого состоит в том, что злобному Ахриману не удалось сломить Рустама: богатырь лишь сделал попытку убить себя, но затем счел унынье недостойным и решил терпеть, мужаться и продолжить борьбу с врагами страны. В персидской литературе аллюзии к сюжету о Рустаме и Сохрабе используются именно в ситуациях, когда герой находит в себе силы преодолеть непереносимый удар судьбы, а стихи Жуковского, исполненные трагической силы и ставшие шедевром русской поэзии, этого важного послания до читателя не доносят.

Дальнейшая история поэтических переводов эпопеи на русский язык развивалась в двух направлениях: во-первых, востоковеды переводили те или иные фрагменты книги непосредственно с персидского текста филологической прозой или стихами; во-вторых, известные поэты делали переложения, используя подстрочники, авторы которых далеко не всегда отмечены в изданиях. Первый шаг в освоении подлинника был сделан в начале XX века. Иранист С. Соколов опубликовал в 1905 году перевод глав с начала сказания по царствование Манучехра включительно, а в 1916 году — главу о Рустаме и Сохрабе. Переводы выполнены по изданию Вуллера (Вуллерс, 1877–1884) вольным (белым) стихом, без рифмы, но с соблюдением размера, четырехстопного амфибрахия с усеченной последней стопой; метр был специально подобран С. Соколовым

¹ О сравнении переводов Рюккерта и Жуковского и их сюжетной соотнесенности с оригиналом «Шах-наме» см. примечания Н. В. Измайлова (там же. С. 552–554).

как наиболее созвучный тому варианту *мутакариба*, которым написана поэма.

Следующий этап переводческой активности относится уже к советскому времени. Он связан с тысячелетним юбилеем Фирдоуси, проводившимся в 1934 году и пришедшимся на переломный момент, когда давление коммунистической идеологии усиливалось с каждым днем, но еще существовал обмен книгами и статьями с европейскими коллегами и сохранялись дореволюционные академические традиции. Поэтому в юбилейных славословиях Фирдоуси уже предстал поэт, отстаивавшим в «Книге царей» интересы тружеников и прославляющим труд свободного землевладельца, но академические изыскания относительно рукописей поэмы или истории ее изучения на Западе велись на европейском уровне¹.

Наряду с исследованиями вышли из печати и новые переводы. М. Лозинский, только что закончивший работу над шекспировским «Гамлетом», сделал в 1934 году поэтический перевод избранных мест поэмы с прозаическим пересказом содержания ряда фрагментов (Фирдоуси, 1934). Поэт пользовался подстрочниками Ф. А. Розенберга, ираниста, изучавшего историю Сасанидов и много работавшего с «Шах-наме» как с историческим источником². Ф. Розенберг подготовил также вступительную статью и комментарии к переводу М. Лозинского.

Традицию создания поэтических версий непосредственно с оригинала, заложившую С. Соколовым, продолжил иранист М. М. Дьяконов, специалист по истории Мидии, а также будущий автор популярной книги «Фирдоуси — жизнь и творчество» (М., 1940). Ему принадлежат переводы эпизодов о любви Бижана и Мениже и о восстании Маздака, опубликованные в сборнике «Восток» (Бижан и Мениже, 1935; Маздак, 1935) со вступительными статьями ведущих иранистов К. Чайкина и В. Тардова. Переводы выполнены рифмованными попарно стихами, использован предложенный С. Соколовым метр — четырехстопный амфибрахий. Переводы М. Дьяконова³ благодаря уникальному сочетанию таланта исследователя и дара поэта соединили в себе художественные достоинства с филологической установкой на соответствие оригиналу. Со стилистической точки зрения они, несмотря на малый объем, оказали большое влияние на всю последующую традицию русских переложений «Шах-наме».

¹ См., например, сборник статей «Фердовски (934–1934)». Сборник ИВ АН СССР и Государственного Эрмитажа. Л., 1934; *Гюзальян Н. Т., Дьяконов М. М.* Рукописи «Шах-наме» в ленинградских собраниях. Л.: Изд-ва ИВАН и Гос. Эрмитажа, 1934.

² Его статья о вине и пирах в «Шах-наме» вошла в классику иранистики. См.: Розенберг, 1918.

³ См. также перевод эпизода «Гав и Талханд» (Орбели, Тревер 1936, с. 155–194).

С начала 1940-х годов, в основном уже в послевоенное время, стали появляться издания, рассчитанные на широкого читателя и включающие наиболее известные эпизоды поэмы. За работу взялись такие поэты, как И. Сельвинский, Вл. Державин, С. Липкин, специализирующиеся на переводах поэзии национальных республик Советского Союза; Фирдоуси, наряду с другими «золотыми поэтами» Ирана, числился, повторим, среди классиков таджикской литературы. Наиболее солидное издание, включающее пространные фрагменты поэмы в переложениях Вл. Державина и С. Липкина, появилось в 1964 году (Фирдоуси, 1964), подстрочники для издания подготовил М.-Н. О. Османов, великий знаток «Шах-наме», работавший в те годы над составлением нового критического текста поэмы¹.

Перечисленные работы представили на русском языке менее трети всего текста, все они оказались необходимыми, но лишь подготовительными этапами для подлинного освоения поэмы. Грандиозный проект ее полного поэтического перевода на русский язык был затеян в начале 1950-х годов и растянулся почти на сорок лет; первый том вышел в свет в 1957 году, следующие публиковались с большими перерывами, и последний, шестой, появился лишь в 1989 году. Об истории этого труда необходимо рассказать подробнее.

Вдохновителем и организатором проекта стал персидский поэт Абу-л-Касим Лахути (1887–1957), который в 1922 году приехал из Ирана в СССР на время и остался навсегда. Имя «Абу-л-Касим» поэт получил от отца в честь Абу-л-Касима Фирдоуси, а литературный псевдоним «Лахути» избрал уже сам, но также с отсылкой к великому предшественнику: *lāhūtī*, как и *firdawsī*, означает «райский», родом из райского сада.

Осуществила переводческую работу жена поэта, иранист и поэт Цецилия Бану-Лахути. По ее свидетельству, Лахути мечтал именно о полном переводе любимой книги потому, что «основное очарование этого эпоса — в его цельности и монолитности» и «выхватывать из него отдельные куски — все равно что кромсать живое тело» (Бану, 1989, с. 578). В качестве основного текста было выбрано юбилейное тегеранское издание Нафиси–Вуллерса (1934–1936), которое Бану в течение многих лет прочла дважды под руководством А. Лахути, подробно записывая его подстрочные пояснения². Как подчеркивает переводчик, «ряд толкований, поновому освещающих отдельные места подлинника, интересные гипотезы

¹ Фрагменты поэмы в тех же переводах непременно включались в публиковавшиеся в 1950–1960-е годы в Москве, Ленинграде и Сталинабаде антологии и хрестоматии таджикской и таджикско-персидской поэзии, см. перечень в Библиографии Ирана (1967).

² Начиная со второго тома, при переводе использовалась в ряде случаев, наряду с изданием Вуллерса–Нафиси, также старейшая лондонская рукопись второй половины XIII века, при спорадическом обращении к парижскому (Mohl) и калькутскому (Turner Macan) изданиям,

относительно неясных или испорченных переписчиками мест <...> — во всем этом основная заслуга принадлежит Абулькасиму Лахути» (Бану, 1957, с. 598). Поэт успел отредактировать лишь первый том перевода, принятого к изданию в почтенной серии «Литературные памятники» (от начала сказания по царствование Кай-Кавуса включительно). Он вышел из печати в 1957 году, в день кончины Абу-л-Касима Лахути.

Проект поддержали своим участием многие известные российские иранисты. Ответственным редактором первого тома был Е. Э. Бертельс. Профессор А. А. Стариков (МГУ) написал подробные исследовательские по духу комментарии к первым двум томам, а также включил в первый том обширную статью «Фирдоуси и его поэма “Шах-наме”» (Фирдоуси, 1957, с. 459–592), которая была впоследствии переведена на персидский и издана в Тегеране отдельной книгой. Кропотливой работой над редактированием текста и составлением комментария в последующих томах занимались такие специалисты, как знаток иранской классики А. Азер, исследователь иранского искусства В. Луконин, профессор персидской литературы А. Н. Болдырев, специалист по текстологии поэмы М.-Н. О. Османов, лингвист и иранист Л. Лахути (дочь А. Лахути)¹.

Поставленная задача состояла в том, чтобы возможно более полно передать как дух, так и блестящую поэтическую форму подлинника. Вся поэма переведена рифмованными попарно двустушиями, с сохранением единого размера, уже опробованного в предыдущих переводах — четырехстопного амфибрахия с усеченной последней стопой. Если в поэтический перевод все-таки не удавалось вставить какую-либо реалию или же идиома подлинника переводилась русским эквивалентом иного лексического состава, в комментарии, как правило, приводился дословный перевод бейта.

Ц. Бану посвятила описанию основных принципов своего подхода к работе специальную статью (Бану, 1957). Она подчеркивает, что амфибрахий с мужской рифмой был избран не случайно: этот метр наиболее точно передает энергичный стих Шах-наме, а кроме того — потому что русский перевод, осуществленный данным размером, «ложится на все мелодии, которые мне довелось слышать при исполнении Шах-наме народными певцами» (Бану, 1957, с. 596). Так, знаменитые первые строки вступления к поэме (иранский аналог формулы «Во имя Бога милостивого, великого») по-персидски звучат так:

что оговорено в комментарии. В переводе томов 5 и 6 уже использовано вышедшее к тому времени московское издание критического текста поэмы (Фирдоуси, 1970; Фирдоуси, 1971).

¹ Последующие тома вышли из печати: Т. 2 (1960), Т. 3 (1965), Т. 4 (1969), Т. 5 (1984), Т. 6 (1989). Стихотворный перевод Ц. Б. Бану-Лахути (т. 1–4), Ц. Б. Бану-Лахути и В. Г. Берзнева (т. 5, 6). Комментарии А. А. Старикова (т. 1, 2), А. Азера и Ц. Б. Бану-Лахути (т. 3), В. Г. Луконина (т. 4, 5), Лейлы Лахути (т. 6). Первые 4 тома переизданы: Ладомир, 1993–1994.

*ba nām-i xudāvand-i jān-u xirad k-azīm bartar andīša bar-nağzarad
xudāvand-i nām-u xudāvand-i jāy xudāvand-i rūzī-dih-i rahnumāy*

Тот же энергичный ритм звучит в переводе Бану:

Во имя создавшего душу и ум, / Над кем не подняться парению дум,
Кто место всему и название дает, / Дарует нам блага, ведет нас вперед.

С такой же внимательностью отнесся переводчик и к поэтической семантике. «Образы подлинника мы старались сохранять в переводе, даже если они звучат непривычно для русского читателя (например, сравнение войска с нарядной невестой, с весенним садом). Нашей задачей было не приравнивать подлинник к своему вкусу, а передать его таким, как он есть» (Бану, 1957, с. 595). Наряду с конвенциональной образностью в переводе многих бейтов воспроизведены и фигуры украшения стиха, такие как внутренние рифмы, звуковые повторы и аллитерации, составные (редифные) рифмы, глубокие составные рифмы, разные виды синтаксического параллелизма.

Благодаря подвижнической работе Ц. Б. Бану-Лахути эпопея Фирдоуси «Шах-наме» в полном объеме введена в научный и читательский обиход. Второе, исправленное и дополненное издание первых четырех томов (по главы о царствовании Дара включительно) вышло в 1993–1994 годах в честь тысячелетнего юбилея создания поэмы, а в настоящее время готовится к печати уже третье издание. Тем не менее при столь благополучной переводческой истории грандиозная эпопея Фирдоуси не привлекает внимания массового читателя.

Совершенно иначе сложилась российская судьба Омара Хайяма. Истории рецепции этих поэтов интересно было бы рассмотреть в сопоставлении, поскольку итогом стала смена их статусов в воспринимающей культуре: Фирдоуси известен в России, кроме специалистов, только очень продвинутым и любопытным читателям, а Хайям, при его гораздо более скромной роли в родной традиции, оказался в современной России самым читаемым и «раскупаемым» из восточных поэтов. Однако это уже тема для другого доклада.

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

РОССИЯ–ИРАН: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

**Международная научная конференция
8 апреля 2016 года**

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Санкт-Петербург
2017

ББК 66.2(0)
Р76

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН,
доктор культурологических наук, профессор

Россия–Иран: диалог культур : Международная научная конференция, 8 апреля 2016 года / под науч. ред. А. С. Запесоцкого. — СПб. : СПбГУП, 2017. — 172 с.

ISBN 978-5-7621-0896-6

В сборнике опубликованы доклады и выступления участников Международной научной конференции «Россия–Иран: диалог культур», прошедшей в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов 8 апреля 2016 года при поддержке Министерства иностранных дел РФ, Российской академии наук и Посольства Ирана в РФ.

На первом в современной истории российско-иранских отношений научном форуме был представлен анализ истории и современного этапа культурного взаимодействия России и Ирана в цивилизационном, национальном, культурно-религиозном, языковом, художественном и других аспектах.

Среди участников — видные российские ученые и дипломаты: А. В. Смирнов, директор Института философии РАН, академик РАН; А. Г. Марьясов, посол России в Иране (2001–2005); А. С. Запесоцкий, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН; В. В. Попов, директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО; А. К. Аликберов, заместитель директора Института востоковедения РАН и др. В конференции участвовал посол Ирана в России Мехди Санаи.

Адресовано преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных вузов, а также всем, кто интересуется вопросами российско-иранских отношений и диалога культур.

ББК 66.2(0)

ISBN 978-5-7621-0896-6

© СПбГУП, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Запесоцкий, <i>ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор</i> РОССИЯ–ИРАН: ДИАЛОГ КУЛЬТУР	6
Мехди Санаи, <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук</i> РОССИЯ–ИРАН: ДИАЛОГ КУЛЬТУР (Приветственное слово)	10
А. В. Смирнов, <i>директор Института философии РАН (Москва), заведующий сектором философии исламского мира Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор</i> ИБН АРАБИ И ИСЛАМСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ	14
В. В. Попов, <i>директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол</i> РОССИЯ И ИРАН: ОБЩНОСТЬ ПОДХОДОВ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	36
А. Г. Марьясов, <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Исламской Республике Иран (2001–2005), кандидат исторических наук</i> КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КАК ИНСТРУМЕНТ УГЛУБЛЕНИЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИРАНОМ	43
Н. М. Мамедова, <i>заведующая сектором Ирана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН (Москва), кандидат экономических наук</i> О КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ И КОНЦЕПЦИИ «КУЛЬТУРНОГО ДЖИХАДА» В ИРАНЕ	47
Е. В. Дунаева, <i>старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН (Москва), кандидат исторических наук, член Российско-иранской комиссии по диалогу «Православие–ислам»</i> РОССИЙСКО–ИРАНСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	56
А. В. Успенская, <i>профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук</i> РОССИЯ И ИРАН: ДОЛГИЙ ОПЫТ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ.....	66
Л. М. Раванди-Фадаи, <i>старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН (Москва), кандидат исторических наук</i> О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ИРАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУР	71

А. К. Аликберов, <i>заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва), руководитель Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук</i>	
ДЕРБЕНТ КАК СИМВОЛ ГЛУБОКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ РОССИИ И ИРАНА	79
Л. И. Харченкова, <i>профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук</i>	
ОБЩЕЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ РУССКИХ И ИРАНЦЕВ	89
В. Б. Иванов, <i>заведующий кафедрой иранской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор</i>	
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ В РФ	93
С. Р. Абрамов, <i>профессор кафедры английского языка СПбГУП, доктор филологических наук</i>	
ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ (О влиянии и рецепции Персии в русской культуре с древних времен до Серебряного века)	101
Н. Ю. Чалисова, <i>заведующая сектором сравнительного изучения культур Востока и Запада Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (Москва), кандидат филологических наук, профессор</i>	
АБУ-Л-КАСИМ ФИРДОУСИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: СТРАТЕГИИ РЕЦЕПЦИИ.....	109
Ю. Е. Федорова, <i>научный сотрудник сектора философии исламского мира Института философии РАН (Москва), кандидат философских наук</i>	
ПЕРСИДСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (На материале поэмы Фарид ад-Дина Аттара «Язык птиц» (XII в.)).....	117
Р. В. Псху, <i>доцент кафедры истории философии Российского университета дружбы народов (Москва), кандидат философских наук</i>	
СУФИЙСКИЕ ОБРАЗЫ В «КИТАБ АЛ-МУХАТАБАТ» АН-НИФФАРИ.....	125
Т. Г. Корнеева, <i>аспирантка сектора философии исламского мира Института философии РАН (Москва)</i>	
РОЛЬ НАСИРА ХУСРАВА В КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИИ ИРАНА И РОССИИ.....	131
С. Б. Никонова, <i>профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук</i>	
ТОРГОВЛЯ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ МИРА. О РУССКИХ КУПЕЧЕСКИХ ПУТЕШЕСТВИЯХ В ПЕРСИЮ	139
С. А. Сухоруков, <i>доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук</i>	
РУССКО-ИРАНСКИЕ СВЯЗИ В АРХИТЕКТУРЕ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	149

Д. О. Васильева,

*заведующая сектором Византии и Ближнего Востока отдела Востока
Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)*

ПАМЯТНИКИ ИРАНСКОГО ИСКУССТВА В РОССИИ: ПРЕДМЕТЫ ТЕКСТИЛЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ П. В. ЧАРКОВСКОГО В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА	152
---	-----

Е. И. Малоземова,

*научный сотрудник отдела «Арсенал» Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург),
кандидат исторических наук*

ИРАН И РОССИЯ В КУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ: «РУССКО-ИРАНСКАЯ» САБЛЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА.....	159
--	-----

А. П. Марков,

*профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП,
доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ*

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ НАРОДОВ РОССИИ И ИРАНА КАК ФАКТОР КОНСТРУКТИВНОГО ДИАЛОГА И СОТРУДНИЧЕСТВА	166
---	-----

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	172
-------------------------	-----